

искусство нашего автора. Судя по вопроснику, первая глава должна была быть посвящена проблеме происхождения рабства.

Однако Гусанус в ходе изложения явно отклонился от своего замысла в сторону, посвятив добрую половину объема этой главы вопросу о том, какую войну следует считать законной (с этим связана законность захвата пленных и их порабощения). Что и говорить — сюжет для действительности Германии XVI в. в высшей степени актуальный. Однако чрезмерное внимание к нему привело к тому, что основной вопрос главы так и не был до конца выяснен. Точно так же и во второй главе предполагавшееся описание форм серважа, существующих в современной Гусанусу Германии, в действительности не состоялось, поскольку автор увлекся одной из этих форм, а именно так называемыми «ласситами», и, не ограничиваясь ее юридическим определением, обратился к «истории вопроса».

В результате для освещения других форм несвободы места уже не осталось. С такого же рода «избыточностью» в одних вопросах и скудостью (или полными пробелами) в других мы сталкиваемся во всех главах интересующего нас трактата. Наконец, в изложении масса повторений, ненужных отступлений и, что хуже, — перерывов буквально на полуслове, то ли от забывчивости, то ли от незнания, что далее сказать.

Особо следует остановиться на характере аргументации. Выше уже отмечалось, что Гусанус скорее практик, нежели теоретик права. Новизна аграрных отношений, формировавшихся в условиях крепостничества «второго издания», была столь велика, что Гусанус сплошь и рядом просто не мог воспользоваться готовыми формулами римского права для освещения конкретных казусов современной ему практики. В то же время новизна самой задачи кодификации живого права, и к тому же во многих отношениях только складывавшегося, равно как и непривычность и скованность в пользовании приемами теоретического исследования вопросов, не давали ему возможности воспользоваться системой римского права хотя бы в целях чисто внешнего упорядочения лежавшего перед ним материала. В итоге анализируемый трактат не превратился ни в свод законов, регулирующих личный статус людей в немецкой деревне второй половины XVI в., ни в сборник казусов, связанных с этим статусом. Скорее всего его задача была и более узкой и более специальной: от него требовался самый первый набросок волновавших восточноэльбскую знать вопросов, относящихся к *объему дворянских прав* в отношении личности и имущества различных разрядов зависимых от них земледельцев, а также предварительный свод «авторитетных суждений» по этим вопросам.

Отсюда все присущие такому наброску недостатки, но и определенные преимущества: известная свобода в выборе (отборе) вопросов, равно как и свобода в расстановке логических ударений. Не скованный «образцами» подобного труда, за которыми необходимо строго следовать (чтобы не «уронить достоинство» своей собственной работы), Гусанус творит буквально на глазах у читателя. Эта столь редко встречающаяся у средневековых юристов неподдельная живость